

Моему брату Дэну

На поле доблести навечно затих разбитый лагерь,
и славы караул обходит мертвых бивуаки.¹
— Мемориальная доска в Геттисберге

¹ Строки из стихотворения «Бивак мертвых» Теодора О'Хары (1820—1867), поэта и офицера армии США, участника Гражданской и Мексиканской войн; цитируются на памятных мемориальных досках на многих военных кладбищах, в т.ч. на Национальном солдатском кладбище в Геттисберге, штат Пенсильвания. *Здесь и далее — прим. переводчика.*

Глава 1

Бошан был готов умереть.

Он стоял на вершине холма, и смотрел вниз с широкого, поросшего травой склона, спускавшегося к речушке, неподвижно замершей в этот жаркий полдень. В кронах виргинских дубов замерли птицы, даже ветер стих, и долина погрузилась в напряженное молчание. Казалось, весь мир затаил дыхание.

А потом он увидел их — солдат в синих мундирах, цепочкой пробирающихся вдоль каменистого вала на другом берегу реки. Даже издалека Бошан мог разглядеть мушкеты и поблескивающие на солнце пуговицы.

Спустя мгновение солдаты ринулись в атаку.

Бошан не раздумывал. Что есть мочи он помчался вниз по склону, к зарослям высокой травы на берегу. Он бежал, не разбирая дороги; перед глазами все скакало и прыгало. Впереди маячили камыши, сквозь них мерцала осколками стекла мутная вода. Из-под сапог, как брызги, врасыпную разлетались кузнечики и букашки. Он не чувствовал под собой ног — они двигались сами по себе, тяжело и часто молотили по неровной земле, жадно заглатывая пространство.

Позади раздался дикий рев — его люди перевалили через вершину холма и ринулись следом за ним.

Там, внизу, юнионисты¹ вскинули ружья и открыли огонь с другого берега. Выстрелы трещали так, словно в библиотеке кто-то ронял тяжелые книги на пол.

Бошан не успел и глазом моргнуть, как оказался в самой гуще боя.

Его люди отстреливались на бегу, останавливаясь, только чтобы перезарядить оружие или, словив пулю, повалиться на землю с застрывшим в горле криком. Теперь кричали все, сотрясая воздух боевым кличем конфедератов² и предсмертными воплями.

Не всякий смог бы отличить одно от другого.

Сделав последний рывок, Бошан, задыхаясь и пошатываясь, замедлил бег, перешел на быстрый шаг и, наконец, остановился посреди поляны. Его люди вели открытый бой с противником на обоих берегах, и повсюду, сколько хватал глаз, кипела рукопашная. Мимо него пробежал солдат и рухнул на землю, хватаясь за грудь.

Бошан сморгнул заливающимися глазами пот и впился взглядом в одного из снайперов юни-

¹ Юнионисты в США периода Гражданской войны — сторонники Союза (англ. Union), федерации 24 северных штатов, противостоящих южным Конфедеративным штатам (конфедератам).

² По легенде, его изобретение принадлежит генералу Томасу Джексону, который во время первой битвы при Булл-Ране скомандовал: «Когда пойдете в атаку — орите, как фурии!». В результате получился психоделический вопль, сочетающий в себе вой, крики, индейские кличи и т.п.

онистов, засевшего за каменной грядой метрах в двадцати.

На него накатило внезапное спокойствие. Время как будто замерло. Бошан остро и почти мучительно ощущал запахи пыли и пороха, кипарисов и гниловатой речной воды, дыма и пота, лошадей и свежей крови, отдающей ржавчиной. Все остальное — боевые приказы, город, который они поклялись защищать, человеческие жизни — перестало существовать.

Даже звуки боя становились все невнятной, пока их и вовсе не заглушил стук его сердца.

Снайпер оказался деревенским парнем, немногим старше самого Бошана. Бошан разглядел направленный на него мушкет янки — такой же, как у него, «Спрингфилд» 58 калибра. Стрелок немного расслабился, и уверенность разлилась по его лицу, когда он прицелился. С такого расстояния промазать было почти невозможно.

Прозвучал сухой выстрел, и что-то полыхнуло в горячем воздухе. Бошан увидел взметнувшееся облачко дыма.

Улыбаясь, он просто ждал...

И ничего не почувствовал.

Снайпер моргнул, уверенный, что попал в цель. Бошан, все еще улыбаясь, потянулся к штыку. Сверкнул наточенный клинок, и Бошан залюбовался игрой света на заостренном боевом конце.

Сделай это. Сделай сейчас.

Он аккуратно провел острием по запястью, надрезая кожу: кровь закапала на мушкет, стекая по стволу. А потом Бошан прицелился в янки, вдохнул и медленно выдохнул, одновременно нажимая на спусковой крючок.

Отдачей сильно толкнуло в плечо, и голова синемундирника исчезла в облаке крови и осколков черепа, а тело разлетелось в клочья.

Бошан перевел дух.

Время очнулось и снова побежало вперед. Вернулись звуки дня. Вокруг кричали — его люди, люди неприятеля, все люди в этом безумном, захлебывающемся кровью мире. Когда 32-е подразделение его полка всей своей мощью обрушилось на укрепления северян, Бошан испытал пьянящий восторг, голова на миг закружилась.

Он поднял руку, заслоняясь от слепящего солнца. Там, впереди, над городом Мишнс-Ридж, еще развевался флаг конфедератов. При виде стяга, гордо реющего в бескрайнем синем небе, у него перехватило горло. Он снова вскинул мушкет, но не стал его перезаряжать.

Вместо этого он направил ствол вверх. Откуда-то слева на него таращился, раскрыв рот, один из его солдат, рядовой по имени Гэмбл.

— Что... — Гэмбл пытался отдышаться. — Что случилось?

Бошан лишь усмехнулся в ответ. Он чувствовал, как дрожит воздух, будто оживая от прикосновения к его коже. Мистическое величие происходящего будоражило его, адреналином бежало по нервам.

— Я прикончил его.

— Ты его *убил*?

— Так точно, — ответил Бошан, продолжая улыбаться.

— Но как?

— Очень просто. — Бошан повернул окровавленный ствол мушкета, направляя штык в изумленное лицо рядового, и резким движением вонзил клинок в правый глаз Гэмбла.

Рядовой испустил крик, но уже не воинственный клич, а протяжный вой боли и ужаса.

Как поросенок под ножом мясника, усмехнулся про себя Бошан.

Гэмбл рухнул на землю, зажимая глаз окровавленными пальцами, и перекатился на бок. Бошан вогнал ему штык между ребер, перевернул обратно и заколол в сердце.

Стало тихо.

Бошан поднял голову.

Поле битвы снова утонуло в безмолвии. Не было слышно даже шепота ветерка. Люди по обе стороны баррикад опустили оружие и устали на него с выражением искреннего недоумения на лицах. Казалось, будто Всевышний — или еще какое божество — взял и разом все прекратил.

С того места, где он стоял один посреди поля, Бошан устремил взгляд через вал южан на козлы, отгораживающие театр военных действий от стоянки, забитой рядами сверкающих на солнце легковушек, автофургонов и мотоциклов. Зрители — мужчины, женщины, дети — все смотрели на него. Некоторые отворачивались, закрывая детям глаза.

Из репродуктора грянула бравурная музыка. Бошан отчетливо расслышал женский голос:

— Это ведь настоящая кровь, да?

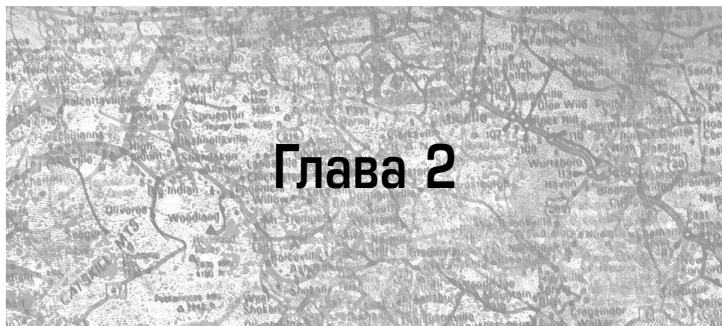
— Дэйв?..

Какой-то человек в форме конфедерата и шляпе с широкими опущенными полями бросился к нему. Вещевой мешок хлестал его по левому бедру. Увидев окровавленный труп Гэмбла у ног Бошана, он замер, побледнел и на мгновение потерял дар речи.

— Дэйв... Господи, старик... что ты наделал?!

Бошан огляделся по сторонам, снова улыбнулся и приставил острие штыка себе под самый подбородок, ощущая прикосновение остро заточенного лезвия к мягкой коже.

— Война — это ад, — произнес он и ударил штыком вверх.

Сэм Винчестер спал и видел сон.

...Он стоял перед панорамным окном в роскошном «люксе» отеля «Белладжيو», и яркие огни Лас-Вегаса мерцали далеко внизу, как россыпь дешевой бижутерии.

У него за спиной ровный голос, доносившийся из плазменного телевизора с плоским экраном, читал инструкции по игре в блэкджек¹. Этот самоучитель, настроенный на одном из каналов, работал круглосуточно семь дней в неделю.

Сэм не слушал.

Почему-то во сне он помнил, что приехал сюда играть, и выиграл. Выиграл по-крупному. Обернувшись, он увидел груды фишек и ворох денег на неубранной постели рядом с пустой бутылкой из-под шампанского, торчащей из хромированного ведерка, наполненного наполовину растаявшим льдом.

Из телевизора доносился голос — легкая, ласкающая слух скороговорка уличного фокусника.

¹ Одна из самых популярных карточных игр в казино по всему миру. Большая популярность игры обусловлена простыми правилами, скоростью игры и наиболее простой стратегией подсчета карт.

— Если игрок решает удвоить ставку, сначала он должен посмотреть на карты крупье, а потом взглянуть в свои. — Голос слегка оживился. — Как насчет тебя, Сэм? Ты знаешь, что на руках у крупье?

Сэм посмотрел на экран и увидел лицо, хорошо знакомое ему по другим снам и кошмарам, которые преследовали его каждую ночь.

Это был Люцифер.

— Сэм?

— Уходи, — сдавленным голосом произнес Сэм. Горло как будто сжимало горячими тисками, что-то терлось о кожу, сковывало голосовые связки. — Оставь меня в покое.

— Боюсь, что не смогу этого сделать, Сэм, — дружелюбно отозвался Люцифер. — Ни сейчас, ни когда-либо потом.

Сэм попытался ответить, но на этот раз из горла не вырвалось ни звука. Он даже дышать не мог.

— Посмотри на себя. — Люцифер вдруг оказался рядом с Сэмом. — Посмотри в зеркало и скажи, что ты видишь.

Посмотреть на себя? Что может быть проще? Зеркал в «люксе» хватало.

Он повернулся к ближайшему зеркалу, пытаясь нащупать пальцами то, что стягивало шею. Но разглядел лишь небольшую вмятину на коже.

За спиной раздался смех Люцифера.

— Вряд ли ты что-нибудь вспомнишь, когда проснешься, — произнес он почти сочувственно. — Но будешь знать, что я приду за тобой.

Сэм все еще не мог говорить. На шее отчетливо проявлялись синяки и темнели, принимая форму невидимых пальцев.

Страх — нет, паника — пронзила живот ледяным копьём.

Хотелось кричать.

Что-то подсказывало: если ему удастся хотя бы просто зашуметь, все прекратится. Уродливые отметины исчезнут, и он снова сможет дышать.

Но он не мог.

Он *не мог*.

И тогда...

— Эй! Эй, Сэм. Слюни подбери! — Чья-то рука трясла его, и не слишком ласково. — Хорош дрыхнуть! Просыпайся.

Сэм хрюкнул, дернулся и открыл глаза, поднимая голову от окна. Сидевший за рулем «Импалы» Дин насмешливо смотрел на него.

— Утрись, чувак, а то растекся, как глазурь на пончике.

Не говоря ни слова, Сэм потянулся к зеркалу заднего вида, наклонил его и, задрвав подбородок, оглядел шею. Кажется, никаких следов, кожа чистая. Он незаметно выдохнул и откинулся на спинку кресла, испытывая скорее усталость, чем облегчение.

Дин снова покосился на него, сохраняя нейтральное выражение лица.

— Дурной сон?

— Можно и так сказать. — Сэм чувствовал, что Дин ждет продолжения, но зловещий образ уже таял в памяти, оставляя лишь смутное ощущение ужаса. Любые попытки пересказать увиденный сон лишь усилили бы подозрения брата. — Но я в порядке.

— Точно? — В голосе Дина звучало сомнение.

— Да.

— Хорошо.

И они поставили на этом точку.

Дин протянул руку, чтобы сделать погромче радио. Звучала одна из последних песен группы